

ПИСЦОВЫЕ КНИГИ БЕЖЕЦКОЙ ПЯТИНЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Г. В. АБРАМОВИЧ

Ценнейшие источники по истории сельского хозяйства и землевладения в Новгородской земле XV—XVI вв.—Новгородские писцовые книги—давно и заслуженно пользуются пристальным вниманием исследователей. На них основываются интересные работы ряда советских историков (Б. Д. Грекова, Г. Е. Кочина, С. А. Таракановой-Белкиной, С. С. Гадзацкого, И. Л. Перельман, Л. В. Даниловой, В. Н. Бернадского)¹. В этих работах, как и в предшествующих им трудах дореволюционных историков, особенно обстоятельно изучены писцовые книги Водской, Шелонской, Деревской и Обонежской пятин. Менее других привлекала к себе внимание исследователей Бежецкая пятина². Это объясняется тем, что книги этой пятины сохранились значительно хуже и в меньшем объеме. Книга 1501 г. охватывает лишь 4 волости и занимает всего несколько страниц. Книга 1564 г. не имеет ни начала, ни конца и пестрит перерывами в середине текста. Книги 1545 и 1551 гг. более полны, но и они не охватывают всех погостов и волостей, входивших в состав пятины, и поэтому ни одна из них не дает возможности для восстановления полной картины состояния сельского хозяйства и землевладения всей пятины и для широких статистических обобщений.

Несмотря на эти недостатки, книги Бежицкой пятины представляют для исследователя сельского хозяйства и землевладения Новгородской области особый интерес. Во-первых, они охватывают значительный отрезок времени, со «старого письма»,—с момента присоединения Новгорода к Москве,—до второй половины 60-х годов XVI в., т. е. до опричнины. Во-вторых, отличаясь одна от другой по характеру письма, они дают возможность судить о назначении той или иной переписи.

Принятая ныне датировка книг Бежецкой пятины требует значительных корректив. Прежде всего необходимо уточнить, насколько это возможно, к какому времени относить так называемое «старое письмо», на которое ссылаются составители книги 1501 г. Л. В. Данилова

¹ Б. Д. Греков. Что такое обжа. «Изв. АН СССР», 1926, № 10—11, 13—14; Г. Е. Кочин. Писцовые книги в буржуазной историографии. «Проблемы источниковедения», кн. 2, 1936; С. А. Тараканова-Белкина. Боярское и монастырское землевладение в Новгородских пятинах в домосковское время, М., 1939; С. Гадзацкий. Водская и Ижорская земли Новгородского государства. «Исторические записки», 1940, № 6; И. Л. Перельман. Новгородская деревня в XV—XVI веках. «Исторические записки», 1948, № 26; Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XV—XVI вв., М., 1955; В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV веке. «УЗ ЛГПИ им. Герцена», кафедра истории СССР, т. 138, Л., 1958.

² Исключение представляет лишь небольшая статья Н. Ф. Яницкого «Писцовая книга Бежецкой пятины Новгородской области 1564 года», Киев, 1914. См. также Н. Ф. Яницкий. Экономический кризис в Новгородской области XVI в. (по писцовым книгам), Нежин, 1915.

пишет по этому поводу следующее: «Под старым письмом, по мнению большинства исследователей, имеется в виду московская перепись, проведенная после крупных конфискаций земельных владений у новгородских бояр и монастырей в 1483 и 1492 гг. Однако точных доказательств этого положения никто из исследователей не привел». Далее она отмечает, что «земельные конфискации происходили и в 70-х годах», «весьма возможно, что тогда же была начата и перепись»³.

Составление писцовой книги по каждой отдельной пятине было настолько длительным процессом, что никогда не укладывалось в рамки одного года. Анализ книг 1545 и 1564 гг. доказывает это неопровержимо. Это относится в равной мере, конечно, и к книгам «старого письма». Не случайно, как сообщает летопись под 1478 г., новгородцы просили великого князя Московского не посылать к ним писцов своих и даньщиков «спонемже то христианом тяжко»⁴. Видимо, писцы надолго оседали в описываемой ими местности. Первые писцовые книги, как нам представляется, были составлены в период между 1478 и 1482 гг. Возьмем «старое письмо» писцовой книги Бежецкой пятины 1501 г., относящееся к бывшей владычной волости Белой в Никольском погосте в Шереховичах. По сообщению летописи эта волость была отписана на великого князя в 1478 г.⁵ Первая ее опись («старое письмо») была произведена Митькой Лихаревым⁶. К каким же годам она относится? Д. Я. Самоквасов приводит данные, свидетельствующие, что книга Митьки Лихарева составлялась одновременно с книгами Дмитрия Китаева⁷, а о последних имеется совершенно определенное указание, что они составлялись до 1482 г.⁸ Письмо Китаева, а следовательно, и письмо Лихарева относятся ко времени между 1478 и 1482 гг., т. е. ко времени первых конфискаций земель крупных новгородских землевладельцев. Это подтверждается и следующей записью книги Бежецкой пятины 1545 г.: «Волость Забрусье, а дала бы ту волость к монастырю к Спасу на Хотуню Федора Игнатьевская жена Скомантова Ильинская, коли князь великий свел из Новгорода бояр, и она того ся блюдучи, да ту волость дала к монастырю на поминоку по душе. И игумен Нафанайло взял ту волость к монастырю без великого князя докладу, а в книгах старых в Миткове письме Лихарева та волость написана за монастырем. И князь великий того обыскал да ту волость взял у монастыря, а дал им за нее деньги 70 рублей в Новгородское число, а велел им поминати по душе по Федорьине. А после Васильева письма Наумова (т. е. книги 1501 г.—Г. А.), та волость дана в поместье князю Борису Тебет Уланович, а после его была за его сыном за князем за Иваном; а за княж Ивановой княгиней за Марьей да за их сыном за князь за Семеном за Ивановичем»⁹. Эта запись интересна во многих отношениях. Она опровергает мнение большинства историков, изучавших этот вопрос, о том, что первая перепись касалась лишь конфискованных владений новгородской знати. Мы видим в данном случае, что волость Забрусье была описана Митькой Лихаревым еще тогда, когда она принадлежала Спасо-Хутынскому монастырю и не была конфискована великим князем. Но она, видимо, подлежала конфискации в ближайшем будущем: не случайно князь назначил обыск, в результате которого волость была отобрана у монастыря. Значит, по всей вероятности, первая перепись касалась не только конфискованных уже земель, но и подлежащих конфискации в скором времени,

³ Л. В. Данилова. Указ. соч., стр. 12.

⁴ Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, М., 1905, отд. 1, стр. 104.

⁵ Там же, стр. 77.

⁶ «Новгородские писцовые книги», т. 6, СПб., стр. 13 (далее: НПК).

⁷ Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., стр. 105.

⁸ Там же, стр. 104—105.

⁹ НПК, т. 6, стр. 134—135.

т. е. подготавливала земельный фонд для помещения на нем московских служилых людей. Запись показывает также, на какие ухищрения шли новгородские землевладельцы, стремясь хоть как-нибудь реализовать свои земельные богатства в ожидании неминуемой конфискации.

Датировка 1501 г. не вызывает никаких сомнений; эта дата указана в начале книги. Но нужно отметить, что 10 февраля 1501 г.— дата ее присылки из Москвы в Новгород, составление же относится, следовательно, к более раннему времени. Так как книга невелика по объему и охватывает лишь 4 волости, конфискованные ко двору в первую очередь, то вполне возможно, что она была составлена и в более короткий срок, чем другие книги.

Никак нельзя согласиться с утверждением С. А. Таракановой-Белкиной о том, что писцовые книги составлялись в то время, когда московские помещики уже лет 10—15 хозяйничали в Новгородских землях. Вызывает возражение и ее рассуждение о той роли, которую московские помещики играли в организации этой переписи, стремясь будто бы «составлением писцовых книг юридически закрепить свои права на эти владения. Государство также было заинтересовано в наиболее точном учете новых земель не только в целях фискальных, но и для учета земельных владений как наиболее ценного материального фонда в условиях того времени»¹⁰. В действительности, как мы видим, «старое письмо» было проведено везде сразу же после конфискации, а иногда, как в случае с волостью Забрусье, и до нее, и лишь потом эти земли, да и то не все, были розданы помещикам. В этой переписи они не могли играть никакой роли. Что же касается последующих переписей, то из текста писцовых книг ясно видно, что помещики были заинтересованы в процессе переписей лишь в одном: утайке возможно большей части своих владений от правительственных писцов, за что им не раз приходилось расплачиваться. В переписях на первом месте стояли государственные интересы, далеко не всегда совпадавшие с интересами отдельных помещиков. Неправа С. А. Тараканова-Белкина и в оценке юридического значения писцовых книг. Они ни в какой мере не являлись документом, закрепляющим права помещика на записанные за ним в данной книге земли. Такими документами были жалованные, отдельные и ввозные грамоты. Поместье, записанное в писцовую книгу, могло быть отобрано на другой же день после переписи; поместья, записанные в 1545 г. за одним помещиком, в 1551 г. принадлежат уже другому.

Возвращаясь к вопросу о датировке книг, особо остановимся на книге 1545 г. Исследование текста книги 1551 г. показывает, что предшествующая ей книга 1545 г. писалась на протяжении целых 10 лет, с 1536 по 1545 г. Писал ее, как известно, Иван Данилович Вельяминов с товарищами. И вот в книге 1551 г. мы читаем о починках, которые появились «лета 7052 после писцов Иванова письма Даниловича с товарищи», «после прежних писцов лета 7050», «после писцов ново лета 7049» и, наконец, «после писцов Ивана Даниловича Вельяминова с товарищи лета 7044»¹¹, т. е. в 1536 г. Таким образом, эту книгу правильнее было бы называть не книгой 1545 г., а книгой 1536—1545 гг. Есть все основания полагать, что составление ее находилось в непосредственной связи с денежной реформой 1535 г. Вес новой монеты был на 15% ниже веса прежней, что не могло не привести к соответствующему снижению ее покупательной способности. Видимо, учитывая это, правительство и провело увеличение обещанной дани на 4 московки, что и было одной из главных целей переписи 1536—1545 гг.

Установление факта начала переписи в 1536 г., в период правления Елены Глинской, является важнейшим подтверждением того, что по-

¹⁰ С. А. Тараканова-Белкина. Указ. соч., стр. 16, 14.

¹¹ НПК, т. 6, стр. 593, 608, 647, 652.

литика этой правительницы была направлена на дальнейшее укрепление Русского централизованного государства.

В датировке книги 1564 г. также имеется неточность. Анализ ее текста показывает, что и она составлялась не один год и закончена была не в 1564, а в 1566 г. Так, при описании поместья Дубровских писец отмечает, что сам Сенка Дубровский умер в 7071 г., а жена его «пошла замуж лета 7074»¹², т. е. в 1566 г. О деревне Заречье читаем: «...обжа, ныне во лготе, а изо лготы выйдет пол-обжи в нынешнем в 74 году, а пол-обжи выйдет лета 7075»¹³. Не может быть никакого сомнения в том, что вышеприведенная запись сделана именно в 1566 г. Следовательно, и эту книгу правильнее будет датировать 1564—1566 г. Это очень важно, так как показывает, что составление ее совпало по времени с началом опричнины.

При внимательном изучении писцовых книг напрашивается мысль о том, что переписи того времени не являлись периодически проводимыми ревизиями, а всегда были связаны с какими-либо крупными политическими событиями. «Старое письмо», например, несомненно связано с присоединением Новгорода к Москве и учетом нового земельного фонда для испомещения московских служилых людей. Составлялось оно сравнительно наспех, на что указывает отсутствие единой формы и плана письма даже в рамках одной пятины. Так, в книге Бежецкой пятины при описании одних волостей (Белая) старый доход писался лишь в итоге, а при описании других (Любятино, Кострица, Липна) учитывался доход по каждой деревне в отдельности. Допускались неточности и ошибки и в учете количества обож¹⁴. Все эти недостатки «старого письма» требовали исправления. Устранение их и явилось главной задачей переписи конца XV—начала XVI в. Систематическое сопоставление данных писцовой книги Бежецкой пятины 1501 г. с данными «старого письма» заставляет думать, что главной целью ее было исправление недостатков и ошибок первой переписи, уточнение размеров земельного фонда и доходов, поступивших в распоряжение великого князя в результате присоединения новгородских земель, и, особенно, уточнение и нивелировка размеров обжи как основной единицы верстания земель и одновременно окладной единицы.

К такому выводу нас привели следующие соображения. Характерно, что промежуток между «старым письмом» и письмом конца XV в. весьма невелик и во всяком случае не превышает 20 лет, а между тем мы видим, что за это время произошли очень крупные изменения в количестве обож не только в масштабе пятин, но и в масштабе отдельных волостей. В Бежецкой пятине мы наблюдаем увеличение количества обож по всем волостям (с 780 до 907)¹⁵. То же самое имело место в Шелонской и в Деревской пятинах, а в Обонежской, напротив, произошло значительное сокращение их числа. По «старому письму» там считалось 870, а по новому (1496 г.) — 641 обжа¹⁶. Поскольку обжа была единицей измерения, применяемой лишь в земледелии, нам кажется не случайным увеличение количества обож именно в наиболее земледельческих пятинах Новгородской земли и сокращение их числа в Обонежской пятине, природные условия которой значительно менее благоприятны для земледелия.

В первой переписи, видимо, еще сильно сказывались местные различия в размерах обож, что затрудняло использование обжи государственной властью как единицы верстания помещиков земель. Кроме

¹² НПК, т. 6, стр. 1011.

¹³ Там же, стр. 1028, см. также стр. 1027.

¹⁴ «Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.», М., 1930, стр. 2 и 148, 3 и 151.

¹⁵ НПК, т. 6, стр. 14, 15, 28, 32, 33.

¹⁶ Н. Ф. Яницкий. Экономический кризис в Новгородской области, стр. 18; И. Л. Перельман. Указ. соч., стр. 155.

того, на этой переписи могли сказаться и недостаточная опытность первых писцов и поспешность переписи и иногда даже влияние местного населения, безусловно заинтересованного в уменьшении количества обож как единиц обложения. Новая перепись устранила, по возможности, все эти недостатки и нивелировала обжу, сделав ее одинаковой единицей для всех районов области. С этого времени она превратилась в основную единицу верстания, приравниваемую к определенному количеству московских четвертей. (Характерно, что после переписи конца XV — начала XVI в. размер обжи больше не изменялся до самого ее исчезновения, то есть до конца XVI в.) Немаловажное значение имело и увеличение повинностей крестьянства, падавших на каждую обжу. Это распространялось одинаково как на помещицы, так и на дворовые земли. Увеличение же количества обож принесло государству значительное увеличение суммы обожной дани.

Почему же государственная власть приурочила эту перепись именно к концу 90-х годов? Как нам кажется, это также не было случайностью. Время с 1480 до конца 90-х годов было периодом мирного, спокойного государственного строительства. Во второй половине 90-х годов правительство Ивана III начинает энергично готовиться к войне с Литвой за возвращение Новгород-Северских земель. Для пополнения армии служилыми людьми нужно было пустить в раздачу новые населенные земли, а для ее оснащения требовались дополнительные денежные средства. Этими нуждами, вместе с потребностью в исправлении погрешностей «старого письма» и была вызвана перепись.

Книга 1501 г., несмотря на охват ею всего лишь четырех волостей Бежецкой пятины, представляет очень большой интерес для историка. Правда, не во всех частях она одинаково ценна. Так, опись большой владычной волости Белой в Никольском погосте в Шереховичах менее интересна, чем описания трех других, значительно меньших по размерам волостей — Любятина, Кострицы и Липны. Здесь писцы указывают доход по каждой деревне в отдельности, а в конце подводят итог. Но и при определении дохода с каждой обжи исследователь встречается с большим затруднением: сообщая размер старого дохода, писец не указывает одновременно, сколько обож было в этой деревне по «старому письму», а мы знаем, что количество обож по старому и новому письму далеко не совпадало. Во всяком случае книга 1501 г. дает нам более или менее ясное представление о состоянии и характере сельского хозяйства Новгородской земли в последние годы ее самостоятельности и в первые годы после присоединения к Москве.

Перепись 1536—1545 гг. носит ярко выраженный фискальный характер, что резко отразилось и на характере письма. Тщательный учет обож с целью обложения их дополнительной обожной данью являлся основной задачей этой переписи. Опись внутри погостов и волостей ведется по отдельным поместьям с тщательным учетом того, кому эта земля принадлежала в новгородское время и от кого перешла к современным владельцам. Кроме того, отдельно учитывается часть поместья, полученная владельцем по наследству от родителей, и добавочные придачи к старому поместью, полученные в процессе дополнительного верстания, производившегося в 1517—1519 гг. Андреем и Никитой Зезевитовыми и Иваном Яковлевичем Морозовым. Интересна эта книга и тем, что она отдельно фиксирует изменения, происшедшие с 1501 по 1545 гг. на обжах старого поместья с учетом произведенных обменов обжами. Прирезки же, произведенные в 1518—1519 гг. Никитой Зезевитовым, учитываются отдельно, а в конце описания каждого поместья дается общий итог. Такая манера письма предоставляет возможность учесть прирост или сокращение посевной площади, количества сена и т. д. Так же тщательно учитывались все случаи обмена обжами с наддачей «на худо», замены участков, отданных другим вла-

дельцам, новыми и т. д. При подведении итогов писцы, в отличие от прежних книг, учитывают не только количество деревень, дворов, людей и обож, но и количество коробей пашни и размеры сенокоса. Эти данные дают возможность проследить внутри каждого поместья процесс изменения соотношения пахотных земель и лугов на протяжении четырех десятилетий, что весьма важно для изучения состояния сельского хозяйства в первой половине XVI в. Характерно, что в то же время, книга 1536—1545 гг. очень небрежно учитывала доход помещиков, довольно часто даже совсем не упоминая о нем. Вместе с тем писцы с особой настойчивостью записывают после итога по каждому поместью: «да давати им [имя рек] великому князю обежные дани с обжи по четыре московки». Это дает все основания полагать, что главной целью данной переписи было введение дополнительной обежной дани, что в свою очередь вызвало необходимость особенно тщательного учета количества окладных единиц. Интересно также, что в книге 1536—1545 гг. совершенно исчезла такая категория сельского населения, как прикомники, часто встречающиеся в книге 1501 г., но зато появились бобыли, совершенно неизвестные книгам конца XV в. Пашня этих бобылей тщательно учитывалась, всегда записывалась в обжи и по размерам мало уступала крестьянской запашке.

Благодаря тщательности письма и широте охваченных вопросов книга Ивана Даниловича Вельяминова 1536—1545 гг. стала официальным правительственным справочником по вопросам верстания поместьями служилых людей и образцом для писцов, производивших последующие переписи.

Писцовая книга 1551 г., являясь по существу продолжением книги 1536—1545 гг., в то же время значительно отличается от нее по характеру письма и задачам. Главное внимание сосредоточено здесь именно на учете размеров помещичьего дохода как по «старому письму» (1536—1545 гг.), так и по новому, причем при подведении итогов по каждому поместью писец производил тщательный подсчет прибыли и убыли в доходе за прошедший период отдельно в деньгах и в натуре. Тщательно учитываются усадьба, то есть барский двор и запашка, о которых прежние книги упоминали лишь случайно, причем видно, что барская запашка значительно возросла по сравнению с предыдущей переписью. Большое внимание уделено также учету починков, поставленных за период между двумя переписями, и обож, находившихся на льготе. Интересно, что если в переписи 1536—1545 гг. писцы тщательно учитывали как коробьи пашни, так и копны сена, то в книге 1551 г. весь учет ведется исключительно в обжах. Коробьи упоминаются лишь когда речь идет о починках. Это еще раз подтверждает вывод о том, что данная перепись была только дополнением предыдущей¹⁷. Но от этого ценность ее для историка не только не уменьшается, но, напротив, возрастает, так как сопоставление двух книг открывает возможность для изучения ряда интересных явлений в истории землевладения и хозяйства Бежецкой пятины в первой половине XVI в.

Что же заставило правительство проводить новую перепись в тех же местах всего через пять лет после предыдущей?

Нам кажется, что тщательность, с которой производился учет земельных владений помещиков и именно только в обжах, т. е. в единицах верстания земель, говорит о том, что эта перепись была тесно связана с реформами по упорядочению верстания служилых людей поместьями, проводимыми Иваном IV в начале 50-х годов.

Совпадение составления книги 1564—1566 гг. с началом опричнины также вряд ли было случайным. Предстоящие перетасовки земель-

¹⁷ Об этом же говорит и то обстоятельство, что официально их называли «приправочными книгами» (Д. Я. Самоковцов. Указ. соч., отд. 1, стр. 239—240).

ных владений в связи с делением государства на земщину и опричнину требовали нового учета тех изменений, которые произошли в земле-владении и хозяйстве помещиков за прошедшие 15 лет. В этой книге, спустя 65 лет, снова встречаемся с теми же самыми погостами и деревнями, с которыми имели дело при изучении книги 1501 г. В тех случаях, когда нам удалось сравнить в обоих книгах одни и те же погосты и волости, оказалось, что значительное число деревень в них сохранило, в противоположность Обонежской пятине, названия, которые носило при «старом письме», то есть более 80 лет назад. Это говорит о большей устойчивости поселений в Бежецкой пятине. Сопоставление данных о хозяйстве одних и тех же деревень на протяжении 80 лет дает возможность в более широком масштабе продолжить на материалах Бежецкой пятины ту интересную работу, которую с успехом начала И. Л. Перельман по писцовым книгам Обонежской пятины.

Прямым дополнением к писцовым книгам является архивный материал, опубликованный Д. Я. Самоквасовым. Изданные им отрывки из писцовых книг дворцового ведомства конца XV — начала XVI в. дают возможность значительно расширить круг изучаемых волостей по всем пятинам и, в частности, по Бежецкой. Так, если книга 1501 г. сообщает нам сведения лишь о четырех волостях: Белой, Любятине, Кострице и Липне, то документы Самоквасова пополняют эти сведения однородными данными о других волостях той же пятины: Удомельской кормленской великокняжеской волости и волостях: Огрофине, Легонце в Молдине, Еванове, Поддубье, Боярщине, Залесье и других в Удомле. Эти отрывки представляют особую ценность в том отношении, что в них имеется большое количество указаний на замену натуральных оброков денежными со ссылками на окладные, общие для всех пятин цены на важнейшие виды сельскохозяйственной продукции. Это дает возможность, при одновременном использовании указаний различных писцовых книг, внести существенные поправки в таблицу цен конца XV в., составленную А. М. Гневушевым и до настоящего времени служащую основным справочным материалом в этом отношении¹⁸. Главным недостатком таблицы является то, что в ней к одному времени отнесены цены совершенно различных периодов старого и нового письма или, иначе, конца 70-х и конца 90-х годов XV в. Это вносило большую путаницу в определение абсолютных и относительных размеров феодальной ренты во второй половине XV и в начале XVI в.

Сопоставляя материалы Самоквасова с данными писцовых книг и таблицы Гневушева, мы составили новую таблицу, из которой видно, что цены на основные хлеба в конце 70-х годов XV в. были на 30% ниже цен конца XV в., что имеет очень большое значение при сопоставлении денежных оброков в период старого и нового письма. Основным источником для составления таблицы послужили расценки на сельскохозяйственные продукты, приведенные в переписи волости Победище Марфы Исаковой (Борецкой) в Ладожском уезде, Городенском погосте, описанной на великого князя в 1478 г.¹⁹ Ни в одной из описей не имеется указаний на цену пшеницы в момент «старого письма», и обычно для этого времени принималась цена 14 денег за коробью, указанная в таблице Гневушева, тогда как в действительности эта цена относится к 90-м, но отнюдь не к 70—80-м годам XV в. Для установления подлинной цены на пшеницу в конце 70-х годов XV в. мы проделали следующую работу. В состав старого натурального дохода в волостях Дегже, Жездрице и Березове входили лишь те продукты, цены на которые точно указаны в писцовых книгах, и, кроме них, пшени-

¹⁸ А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области, т. I, Киев, 1915, стр. 74—76.

¹⁹ Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., отд. 1, стр. 90; см. также стр. 88, 97, 101; НПК, т. 6, стр. 14.

да²⁰. Вычитая стоимость всех продуктов из приведенной в итоге общей стоимости всего старого дохода, мы пришли к выводу, что цена пшеницы в период «старого письма» была равна 10, а не 14 деньгам за коробью. В результате разница в цене пшеницы по сравнению с концом века точно соответствует разнице в ценах других основных хлебов, ржи и овса, которые стоили в конце 70-х годов 7 и 4 деньги, а во второй половине 90-х годов соответственно 10 и 5 денег за коробью. Разница в ценах в обоих случаях выражается в 30%. Таким же образом определены цены барана и бочки пива.

В результате этих изысканий мы получили следующую таблицу.

Наименование продуктов	Един. измерения	Цена за ед. по старому письму (70—80-е годы XV в.) ⁴	Цена за ед. по новому письму (конец XV—начало XVI в.)	Наименование продуктов	Един. измерения	Цена за ед. по старому письму (70—80-е годы XV в.)	Цена за ед. по новому письму (конец XV—начало XVI в.)
Пшеница	коробья	10 ден.	14 ден.	Гусь	шт.	2 ден.	2 ден.
Рожь	»	7 »	10 »	Курица	»	1 »	1 »
Овес	»	4—3,5 »	5 »	Сыр	»	1 »	0,5—1,0—2,5 д.
Ячмень	»	7 »	7 »	Масло			
Хмель	»	14 »	14 »	кор.	пуд	21 »	21 »
Горох	»	14 »	14 »	Рыба	бочка	28 »	21—49 »
Лен	пяток	5 »	5 »	Яйца	100 шт.	3 »	3 »
Яловица	шт.	42 »	37—42 »	Пиво	бочка	12 »	7—14 »
Боров	»	21 »	21 »	Белка	шт.	2 »	2 »
Баран	»	6 »	3,8—4 »	Сено	воз	7 »	5—14 »
				Дрова	10 саж.	полтина	—

Цены на основные крестьянские хлеба возросли примерно за 20 лет на 30%, а эти хлеба составляли от 60 до 85% натурального оброка. Они же, главным образом, шли и в продажу для уплаты денежных повинностей. Ясно, что игнорирование указанной разницы в ценах при пересчете натуральных повинностей в деньги для сравнения старого и нового доходов не могло не вести к весьма крупным ошибкам. Цены 70—90-х годов, повторяем, не были случайными, это так называемые «кладные цены», общие для всех новгородских пятин, что говорит о наличии в это время в Новгородской земле устойчивого и постоянного хлебного рынка.

Знание указанной разницы в ценах на хлеб оказывается весьма полезным и при датировке ряда документов и событий. Это относится прежде всего к датировке самих переписей. Так, например, если не вызывает ни малейшего сомнения тот факт, что период между старым и новым письмом в волостях Удомле, Белой, Любятине, Кострице и Липне в Бежецкой пятине, а так же в волостях Победище, Высоком, Паозерье, Дегже, Жездрице и Березове в Шелонской пятине, в Ладожском и Новгородском уездах составлял около двух десятилетий, что доказывается наличием указанной разницы в ценах, то этого никак нельзя сказать о волостях Огрофенине, Легонце, Еванове, Поддубье, Залесье и других, так как здесь цены старого и нового письма совпадают, причем и в старом и в новом письме применяются одинаковые цены конца XV в. Это говорит о том, что данные волости были конфискованы значительно позднее, чем первые, т. е. не ранее конца 80-х — начала 90-х годов XV в. Значит, при изучении хозяйства этих волостей время, непосредственно предшествующее «старому письму», нельзя относить к домосковскому периоду Новгородской земли, что справедливо по отношению к первым волостям.

Таковы некоторые замечания об источниках по истории Новгородской земли XV—XVI вв.

²⁰ Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., отд. 1, стр. 87, 92, 94.